

ПОЛИТИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ МАКСА ШЕЛЕРА

В.Б. Куликов

Доктор философских наук, профессор кафедры теории и методологии государственного и муниципального управления

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
620083, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51

E-mail: vbkulikov@list.ru

Представлен результат феноменологического анализа актуальных социально-политических явлений: войны, мира, воспитания, социального развития в трудах Макса Шелера, одного из видных представителей антропологического направления в философском дискурсе XX века.

Ключевые слова: Шелер, феноменология, война, образование, воспитание, философская антропология

Макс Шелер (1874–1928) является одной из наиболее значительных фигур западноевропейской философии XX века. Он оказал существенное влияние на эволюцию философской антропологии, аксиологии, социальной философии и философии воспитания. Даже проявившая себя в последнее время тенденция к формированию так называемой «темной антропологии», то есть «антропологии, которая делает акцент на неприглядных и жестоких аспектах человеческого опыта, а также на структурных и исторических условиях, которые их производят» [1, с. 6] имеет своим истоком взгляды, высказанные в начале прошлого века Максом Шелером. Его заслуга перед философией состоит в том, что он обратил внимание на такие феномены, как война и ненависть, которые никак не отнесешь к светлым сторонам человеческого опыта.

М. Шелер не только распознал возможности предложенного Э. Гуссерлем феноменологического метода, но и весьма креативно использовал его, значительно расширив область применения и тем самым изнутри испытал его эвристический потенциал. При этом феноменологический метод был им видоизменен, модифицирован, словом, усовершенствован. Как отмечал Г.Х. Гадамер: «Фанатично следовать этому методу не было уделом Шелера» [2, S. 11]. Феноменология предоставила удобный выход из противоречий между формальным кантовским априоризмом и эмпирическим психологизмом, открыв возможности рассмотрения эмоциональной сферы человеческой бытия через призму ценностного переживания. Фе-

номенологическая точка зрения органично способствовала проникновению в сферу конкретно-исторических политических, идеологических, педагогических идей. В годы Первой мировой войны, когда социально-политическая, этическая, идеологическая проблематика была в значительной степени востребована, М. Шелер привнес в обсуждение социально-гуманитарных проблем не только глубокий надличностный смысл, но и субъективную взволнованность.

В наиболее полной мере работы периода Первой мировой войны сконцентрированы в опубликованном 1982 году четвертом томе собрания сочинений мыслителя под редакцией М. Фрингса и М. Шелер. В отдельную книгу вошли следующие работы: «Гений войны», «Германская война» (обе – 1915 г.), «Европа и война» (1915 г.), «Война как целостное переживание» (1916 г.), «Причины ненависти к немцам» (1917 г.), «Новая социологическая ориентация и задачи немецких католиков после войны» (1916 г.), «Внутренние противоречия германских университетов» (1919 г.), «Политика и культура на почве нового порядка» (1919 г.), «Миссия Германии и католическая идея» (1918 г.). Политико-педагогические сочинения М. Шелера выдержаны в острополюемическом ключе, написаны чрезвычайно эмоционально, в них он стремится осмыслить насущные вопросы времени, найти причины кризисной ситуации в Германии очертить перспективу европейского и национального развития. Становление и развитие философских взглядов всегда обусловлено конкретными условиями социально-политического процесса. В то же время даже формирующиеся философские воззрения оказывают обратное влияние на политические, идеологические и культурные реалии общественной жизни.

Основания европейского политического кризиса усматриваются М. Шелером в смещении европейских ценностей в сторону утилитаризма и навязывания обществу эмпирического подхода, ориентированного на естественнонаучные модели познания. Немецкий философ не приемлет такого смещения мировоззренческих координат, ибо, по его убеждению, натуралистические, позитивистские, прагматические концепции не могут претендовать на универсализм. Они только лишь способствуют одностороннему, частичному истолкованию мира и человека. Моральный утилитаризм и соответствующая ему политическое поведение зачастую мнят себя универсальными императивами деятельности. М. Шелер приводит таблицу категорий английского политического восприятия и поведения, в рамках которых происходит существенная подмена смыслов; так, например, в утилитаристски ориентированной английской модели жизни культура подменяется комфортом, божественный промысел политикой Англии, благопристойность замещается высокомерием, а христианская любовь подменяются гуманностью, общность подменяется сообществом (клубом по интересам), а любовь к слабым – ненавистью по отношению к

сильным. Но верхом лицемерия является отождествление Промысла Божьего с политикой Англии, а Гласа Божьего – с общественным мнением. Взгляд на европейскую общность подменяется анализом европейского баланса сил. Для англосаксонского восприятия мир – всего лишь некая ограниченная в пространстве и времени среда, к которой следует приспособляться, добиваясь реализации своих материальных интересов.

В то же время, как отмечает М. Шелер, утилитаристские и эмпирические установки привлекательны именно тем, что предлагают бесконечное множество технологических приемов и способов, усиливающих результативность действий и обеспечивающих их успех. В социально-политической сфере эмпирический подход столь же разнообразен, сколь агрессивен и провокационен. Политический эксперимент детально продумывается и неукоснительно реализуется, а если возникают препятствия, то происходит модификация целей и выдвигаются уже иные задачи, апробируются новые варианты, планы, инструменты. Эмпирический подход в политике порой приводит к выработке долгосрочной стратегии, ему свойственна многовариантность, быстрая замена одного метода другим, осуществление нескольких планов одновременно.

Критика стяжательского духа, присущего англо-американским политическим практикам, показывает распространенность и влияние подобных способов внешнеполитического воздействия, особенно, на те страны и регионы, которые начинают превращаться в подопытную площадку для политических экспериментов. М. Шелер, однако, не снимает с немцев ответственности за развязывание Первой мировой войны. Их вина, считает он, заключается в том, что они поддались «духу капитализма», пытаясь применить на практике позитивистские, научнообразно скроенные методы.

Развивая свою концепцию, М. Шелер утверждает, что для позитивистского, прагматического подхода решающим в понимании исторического происхождения войны оказывается состояние и количество средств производства, вызывающее стремление расширить жизненное пространство, захватить средства пропитания или остановить рост народонаселения. Позитивистское восприятие истории, согласно М. Шелеру, является «сугубо статистическим», в то время как человека следует воспринимать в динамике развития, постоянного роста. А момент статики или равновесия он немецкий философ расценивает как всего лишь случайный эпизод. «Мы должны, – формулирует Шелер свое требование, – окончательно понять исторического человека как первоначально подвижного, живого, а не выводимого из некоего равновесного состояния, понять его среду как формирующуюся и поисковую, а не как уже сформированную и замкнутую обстоятельствами» (3, S. 19). Война осмысливается Шелером в этом аспекте как возвращение к творческим первоначалам, из которых происхо-

дят государства и общества; в целом война означает в феноменологической оценке некое «погружение в мощь жизненного источника, из которого истекает все направления жизни и осуществляется человеческая судьба» [3, S. 20].

Война как динамический принцип истории настолько значительна, что даже при условии возникновения когда-нибудь идеальной и абсолютной уравниваемости хозяйственных и общественных интересов, при достижении идеального и абсолютного объединения всех народов, по мнению философа, живительные корни войны всё-таки остаются неприкосновенными и невредимыми. В противовес натуралистическому подходу война объявляется порождением «человеческо-исторического» мира, а не разновидностью борьбы биологических видов за выживание. Война фиксирует парадоксальную ситуацию, когда человек, утверждающий торжество своего бытия, одновременно разрушает его. Можно допустить, что сравнительный анализ жизни человека и животного дает повод для установления весьма большого количества аналогий, но в мире животного даже процесс охоты нельзя классифицировать как некое подобие войны. Действия животного, как бы агрессивны они ни были, не направлены на отрицание или на уничтожение другого вида животных, тогда как у человека война обозначает тотальное отрицание, включая физическое уничтожение одной группы людей другой.

М. Шелер подчёркивает коллективный, социальный характер войны как формы проявления человеческого бытия. Специфика человека, его сущность, в отличие от животного, определяется духовностью, т.е. пронизанностью духом всех явлений человеческой жизни, том числе и такого, как война. Только с учетом шелеровского восприятия войны может быть понято следующее высказывание: «Война, говорю я, имеет, несмотря на свойственные ей человеческой проявления, корни в сущности жизни вообще. Я утверждаю, что такие дела рук человеческих, как война и труд, никогда не могут быть совершенным образом выведены из биологических законов, потому что в них действует новый фактор – дух» [3, S. 31]. Первоначальное, первородное стремление жизни к самоутверждению, к власти, господству во все расширяющихся масштабах и есть духовный источник войны, соответственно, война по своей сути, является носителем и выразителем определенного типа духовности.

Позитивизм, прагматизм, эмпиризм, согласно М. Шелеру, – это интеллектуальные проявления господства системы подавления и подчинения таким правилам, в центре которых стоит явно выраженный материальный интерес, расчет, выгода.

Вернер Зомбарт в эмоционально написанном памфлете начального периода Мировой войны, подметил существенную деталь прагматической мотивации войны, характерную для англосаксонского подхода. Эти войны

«всегда имеют коммерческий характер, поскольку это именно те мотивы, которые по праву лежат в основе любого капиталистического предприятия и преследуют единственную цель – получение наибольшей возможной прибыли, но впоследствии и сама война начинает рассматриваться как капиталистическое предприятие и организуется как таковое. Тогда-то и возникает прекраснейшая мысль: вести войну не своими руками, а руками других» [4, с. 37].

Следовательно, в рамках такого подхода нравственность выводится за скобки, безразличными становятся такие ценности, как любовь, общность, духовный авторитет. Война приглушает звучание подлинных ценностей для тех, кто ставит во главу угла материальные интересы, но в то же время для других она возрождает движение к открытым духовным основаниям.

Феноменологическая позиция направлена на возрождение истинных ценностей и решительное опровержение тех взглядов, которые уповают на экономическую или классовую борьбу как двигатель истории, которые ждут от победы какой-либо стороны прорыва к новым источникам материальных ресурсов. М. Шелер подвергает бескомпромиссной критике такие базовые капиталистические ценности, как свобода предпринимательства, либерализм, система духовной коммуникации. Марксистский социализм, утверждает философ, не может выступать подлинным противником капитализма, капиталистического духа. Дело в том, что марксизм защищает интересы пролетарского класса внутри капиталистического общества, но интересы рабочих, согласно М. Шелеру, также пронизаны капиталистическим духом. Рабочие и капиталисты – две стороны одной медали. Но что происходит в условиях выхода из жестко заданных бинарных отношений капиталистического устройства, при организации жизни на социалистических началах? М. Шелер полагал, что кризис марксизма «будет усугубляться по мере того, как марксистско-социалистически мыслящие классы и их вожди будут призваны участвовать в руководстве и управлении общественными делами. Марксизм – это типичная идеология угнетенных и критическая протестная идеология; чем больше она будет отклоняться от своего социологического условия, тем скорее марксизм как таковой начнет исчезать» [5, S. 260].

Признаки кризиса марксистской идеологии М. Шелер усматривал в расколе социал-демократического движения в Германии, в деятельности II Интернационала. Война, по мысли М. Шелера, испытала марксизм на прочность и выявила его слабости в появлении множества конкурирующих вариантов «социализма». Поэтому, как полагает Шелер, «...наше религиозное мировоззрение должно заполнить великую пустоту духа в рабочем классе в ту минуту, когда наступит последнее крушение идеалов и с глаз спадет пелена» [6, S. 38].

В статье «Христианский социализм как антикапитализм» (1919 г.) Шелер выводит две тенденции мирового политического развития. Первая идёт от англо-американского капитала, поддерживаемого французским финансовым капиталом, она выражает культивирование в Европе единого капиталистического типа личности, вторая исходит от русского большевизма. Это антикапиталистический милитаризм с его претензиями на мировое господство пролетариата. Христианский социализм не должен им следовать, он существует как третья самостоятельная мировая тенденция, противопоставленная двум предыдущим. По мнению М. Шелера, направление христианского социализма, которое «географически и этнически» совпадает с истоками древней средиземноморской культуры и культуры центра Европы, в современный период выражено значительно слабее, чем две другие тенденции. Усиление христианской тенденции, согласно М. Шелеру, – это одновременно цель католической религиозной политики и задача немецкой политики.

Мировая война окончательно лишила статуса лидеров цивилизации континентальную Европу и Англию. Теперь на этот статус вправе претендовать Германия и Россия, ибо их объединяет сам тип исторического развития: постоянная смена двух зон бытия: метафизически-религиозной и приземленно-практической. Перед этими двумя странами, согласно М. Шелеру, открываются грандиозные перспективы «нового взаимопроникновения культур Востока и Запада» [7, с.129].

В работе «Новая социологическая ориентация и задачи немецких католиков после войны» ставит вопрос о смысле и сущности основных типов человеческой общины, человеческого общежития [8, S. 373]. Война лишь приоткрыла человеку духовный смысл его существования. Новая ориентация духа несовместима с интернационализмом, основанном на господстве классов или приоритете материальных интересов. Решить проблемы не в состоянии и ограниченный, «узколобый» национализм. Идея интернационализма преодолевается идеей сверхнациональной церкви, основанной на вере в Христа, на идее святой братской солидарности, охватывающей всех людей, весь мир. Не нация, не государство, не определённая культура, но истинный религиозный союз – вот носитель подлинных человеческих ценностей. Государство, общество, основанное на праве, образуют под своей эгидой множество искусственных организаций, но не порождают из себя ни природной, ни жизненной (род, семья, народ) духовной общности.

Образ государства не обращен к человеку, граждане лишь элементы целого, которые взаимодействуют друг с другом механистически, не имея естественных симпатий. Искусственному единству должно быть противопоставлено «реальное единство». Ответственность человека должна стать не правовой обязанностью, но внутренним мотивом. Стержень «новой ре-

лигиозной ориентации» – человек, но не как часть целого, а как полноправный член общности. Идея сущностного единства церкви, по мнению М. Шелера, приходит на смену идее множественности наций. Задача католиков – участвовать в осуществлении этого перехода.

Вывод, который делает Шелер из анализа современной ему реальности, звучит так: «Не снизу, из материи, инстинктов, но только лишь сверху, из духа любви, из бога можно прийти к согласию и единению» [9, S. 402].

Война выстраивается на строгих рациональных расчетах (количество штыков, наличие боекомплекта, тяжелое вооружение, тыловое обеспечение и т.д.), на детальном планировании логистики, своевременном запуске технологических новинок. Однако, победа и достижение мира совершается тогда, когда проявляется нечто сверх того, что обусловлено экономическими расчетами и мощью артиллерии. Любая война имеет своих выгодополучателей (бенефициаров), но на другой стороне войны всегда находится одухотворенный человек, жертвующий и обретающий бога. Выгодополучатель видит в мире всего лишь временную перегруппировку к новому противостоянию, но одухотворенный горнилом войны человек верует в установление подлинного согласия между человеком и другим человеком. Возможные хитросплетения прагматических интересов, основанные на них договорные процессы, как бы совершенны они ни были, осуществляются лишь как механизмы и правовые инструменты, подчиненные стремлению к временной перегруппировке сил и ресурсов.

Если иметь ввиду современную ситуацию военного противостояния с Западом, то за усилиями по перенаправлению энергопоток, организации новой логистики, новых финансовых механизмов, решающее значение имеет движение к духовному преображению человека, качественному обновлению общественной организации, преодолению духовной отчужденности между поколениями. Наше доверие к технике, к вещам, к всеислию экономических связей неоправданно безгранично и безосновательно. Весьма актуально звучит и такая идея Макса Шелера: «Целью нынешних задач является не внешнее, чисто формальное институционально-государственное достижение мира (как это требует пацифисты), но внутреннее, осмысленное согласие, сущностное примирение народов и наций, в русле их истинного соотношения, взаимосвязи сущностей, чуждых случайным и формальным интересам» [9, S. 403] Но, эта идея, убежден философ, может быть исполнена только в религиозном контексте, ибо социальным «силам снизу» противостоит глубоко сущностная «сила сверху». Социальные формы деятельности должны быть основаны на вере, духовности, исключаящие деляческий интерес.

М. Шелер не приемлет идеи германского национализма; приоритетной для него является общеевропейское предназначение Германии, по-

скольку нация, с его точки зрения, – это духовная общность. Существуют несомненные трудности в духовном единении германского народа на платформе духовных ценностей. Причина этого неуспеха скрыта в конфессиональной раздробленности, которая дезинтегрирует нацию по нравственным и религиозным вопросам. В конечном счете М. Шелер делает ставку на общность, основанную на целостности католического духа, с его способностью к волевому поступку, к самоорганизации, к преодолению классовых барьеров и межнациональных противоречий. На католицизм Шелер возлагает задачу возведения наднациональной башни духа и понимания.

Следует отметить, что на рассуждения Шелера о «католическом солидаризме» достаточно быстро отреагировали в советском ежемесячном философском и общественно-экономическом журнале «Под знаменем марксизма». В 1926 году в номерах 7 и 8 была напечатана статья Гр. Бамеля «Макс Шелер, католицизм и рабочее движение» [10, с. 47–68]. Позиция М. Шелера, естественно, была оценена резко критически, но при этом в статье обильно цитировались источники. По тем временам это было достаточным основанием для того, чтобы заявленного продолжения статьи так и не последовало. В 1942 году журнал, как известно, прекратил существование. Возможно, что-то не так было с теоретическим осмыслением марксизма, как, в свое время, и прогнозировал М. Шелер.

Макс Шелер совершенно не случайно ориентируется на католицизм, поскольку эта конфессия обладает гибкими методиками воспитания, выработанную столетиями практику миссионерской деятельности. Для М. Шелера воспитание – не просто объект метафизического или теоретического исследования, а мощный фактор практической реализации духовных ценностей, ориентированных на формирование позитивной мировоззренческой установки. Восприятие задачи воспитания через призму формирования духовности позволяет оценить европейскую войну как мощный воспитательный фактор, который имеет особое значение для европейской молодёжи, принявшей участие в войне. Европейская молодёжь увидела разрушение существовавшей системы воспитания, эта молодёжь зарядилась своеобразным «милитаризмом», направленным против утилитаристских и прагматических установок. «Милитаризм» означает активную духовную, деятельную позицию, отрицающую диктат любой централизованной воли, и воспринимающую жизнь в новом, антикапиталистическом, духе. Поэтому Шелер говорит о «милитаризме» образа мыслей, «милитаризме» убеждений и взглядов.

В связи с этим М. Шелер обращается также к обсуждению послевоенной реформы образования и, в частности, к проблемам университетского обучения в Германии. Целью образования, полагает М. Шелер, является «во-первых, по возможности, благоприятные отношения к традициям и

к высшим образцам знания, выработанным в ходе европейской истории. Во-вторых, наличие методически и педагогически подготовленного учителя и наставника, особенно для тех, кто будет состоять на службе государства, церкви и общества. В-третьих, обеспечение методического аспекта научных исследований. В-четвёртых, всесторонне духовное формирование и обучение человека как личности, через решение специфических всеобщих задач образования, наконец, овладение высшим уровнем мастерства в решении этой задачи – обучение через личный пример, образец, благодаря которому личность обучающегося соотносила бы свои действия с тем, кого она полагает в качестве авторитета. В-пятых, правильное, простое, без излишеств целенаправленное воспитание, содействующее достижению знания всеми слоями общества и народа; и наконец, в-шестых, посредническая миссия воспитания между различными социальными институтами и между различными уровнями образования, высшей специальной и общеобразовательной школами» [9, S.475]. Воспитание, исходя из перечисленных целей и задач понимается как мировоззренческая сила, воздействующая на формирование личности.

Через призму этих целей М. Шелер рассматривает внутренние противоречия немецких университетов. Прежде всего, университет потерял качество универсальности, отсюда противоречие между обучением специальности и получаемой профессией. Другое противоречие состоит в том, что задачи университета и задачи формирования личности перестали совпадать. Обучение в целом противоречит способу получения знания и профессионализму. Получение знания и формирование целостного образа человека – вот основная задача университетского образования. Полученные знания, полагает М. Шелер, должны быть плодотворными для роста и формирования человеческой личности, к каким бы социальным слоям эта личность ни принадлежала. В процессе разрешения этих противоречий университет должен сыграть решающую роль не только в масштабах Германии, но и всей Европы. Его цель – формирования «нового европейского человека». Решение конкретных задач образования придает Германии особую миссию в Европе. Что касается университетского образования, то предлагается в этой связи введение новых более жизненных, практически необходимых специальностей, формирование в университете особой атмосферы товарищества преподавателей и студентов, отмена всякого авторитарного тона со стороны профессуры. Вызывает интерес предложение Шелера ввести такие учебные курсы, которые дают подробное представление о жизни и культуре восточных стран, славянских народов и в особенности России (русская история, русская литература, русский язык).

К попыткам навязать университетам какую-либо политическую партийную доктрину М. Шелер относится отрицательно, поскольку, по его

мнению, всякое классовое или экономическое влияние на студенчество насаждает чуждый университетскому духу догматизм. Решающее значение, с точки зрения немецкого мыслителя, имеет, напротив, религиозный авторитет, сила религиозного духа, которая способна на различных уровнях обучения и образования содействовать подъему сознания не только немецкой молодёжи, но и немецкого народа в целом.

Воспитание, в интерпретации М. Шелера, имеет смысл сущностного процесса формирования (*Bildung*), становления человека. Направление этого сущностного становления выражается в стремлении к миру духовных связей, высших духовных ценностей жизни. Подлинность воспитания заключается в его религиозно-этическом содержании, а смысл – в формировании христианского этоса. Свое выражение христианский этос получает через такие признаки, как поддержание высокого авторитета церкви, глубокая и многообразная в своем проявлении христианская идея любви, существование подлинно религиозной общности. Христианский этос противопоставляется капиталистическому этосу, насыщенному идеями классовых интересов, отчужденности, формального общения. Шелер вполне осознавал, что противостояние двух систем воспитания носит непримиримый характер. Капиталистический этос в состоянии подмять человека, подчинить себе духовные ценности, в том числе религиозные, католические. Шелер приводит пример участия церкви в финансовых операциях капитала как образчик служения не Богу, а золотому тельцу. В Европе дух капитализма, дух денег активно препятствует развитию нового христианского этоса, но в то же время, капитализм порождает широкие критические настроения, критический по отношению к нему образ мыслей, и этим должна воспользоваться католическая общественность, вырабатывая специфические воспитательные средства и меры. Речь не идет о количественном увеличении числа верующих, но о качественном воздействии на формирование принципиально человека нового типа: «позиция качества намного важнее позиции только лишь количества» [8, S.458, 469]. Выполнение этой миссии воспитания «нового европейца» возлагалось им на немецкую нацию.

Проблемы войны, мира, политики, образования, перспектив общественного развития, по-прежнему актуальные и в наши дни, обуславливают интерес к политико-педагогическим идеям М. Шелера и в XXI веке. Антикапиталистический пафос его сочинений с течением времени не утратил своей остроты, как и мысль о необходимости воспитания личности, чей внутренний мир пронизан светом духовности.

Список литературы

1. *Ортнер Ш.* Темная антропология и ее другие: судьба теории после 1980-х годов// Логос. Том 32. № 2. Том 1. 2022. С. 2–42.
2. *Gadamer H.-G.* Max Scheler – der Verschwender. In.: Max Scheler im Gegenwartsgeschehen der Philosophie. Hrsg. von P. Good. Franke Verlag. Bern. Munchen. 1975. 275 S.
3. *Scheler M.* Der Genius des Krieges In: Politisch-pädagogische Schriften. Bern. Bd. 4. 1982. S. 7–218.
4. *Зомбарт В.* Торгаши и герои. Собр. соч. в 3-х Т., Том 3. СПб.: Владимир Даль. 2005. 656 с.
5. *Scheler M.* Prophetischer oder marxistischer Sozialismus? In: Max Scheler. Gesammelte Werke. Bd. 6: Schriften zur Soziologie und Weltanschauungslehre. Hrsg. von Manfred S. Frings. Bonn: 1986. S. 259–272.
6. *Scheler M.* Schriften zur Soziologie und Weltanschauungslehre. Leipzig. Bd.3.1923. 256 S.
7. *Шелер М.* Проблемы социологии знания. Институт общегуманитарных исследований. М.: 2011. 176 с.
8. *Scheler M.* Soziologische Neuorientierung und die Aufgabe der deutschen Katholiken nach dem Kriege. In: Politisch-pädagogische Schriften. Bern. Bd.4.1982. S. 373-459.
9. *Scheler M.* Innere Widersprüche der deutschen Universitäten. In:..Politisch-pädagogische Schriften. Bern. Bd.4.1982. S. 473–498.
10. *Гр.Баммель.* Макс Шелер, католицизм и рабочее движение // Под знаменем марксизма. 1926. № 7-8. С. 47–68.

MAX SCHELER'S POLITICAL AND PEDAGOGICAL IDEAS

Vladimir B. Kulikov

Ural Federal University

Lenina st., 51, Yekaterinburg, 620083, Russia

Phenomenological analysis of socio-political phenomena such as war, peace, education, social development determine the strategic plans for the formation and content of a new anthropological project, to the implementation of which the work of Max Scheler was directed

Key words: philosophical anthropology, Scheler, war, education, upbringing, phenomenology